

Молодому

Борису Новому

Могилевскому

А. С. Лаппо-Данилевскій

отъ автора.

Аристъ Аристовичъ Куникъ.

Очеркъ его жизни и трудовъ.

(Съ портретомъ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1914.

А. Купцов

Ариетъ Ариетовичъ Куникъ.

Очеркъ его жизни и трудовъ¹⁾.

А. С. Лаппо-Данилевскаго.

Вліяніе нѣмецкой философіи на русское общество особенно ярко обнаружилось въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Многіе представители нашей интеллигенціи разсуждали тогда въ духѣ Гегеля и его системы: Станкевичъ увлекался ею и даже Бѣлинскій одно время находился подъ ея впечатлѣніемъ; Аксаковъ, Чичеринъ и другіе также пользовались ея началами въ своихъ историческихъ построеніяхъ. Вскорѣ, однако, обаяніе гегелизма стало падать частью въ зависимости отъ его разложенія и появленія противоборствовавшихъ ему теченій, частью благодаря возраставшему увлеченію собственно научными изысканіями, между прочимъ, и въ области историческихъ наукъ: въ то время Боппъ, Бѣкъ, Гриммъ (Яковъ) и многіе другіе ученые стали извѣстны своими замѣчательными изслѣдованіями въ области сравнительнаго языкознанія и филологіи, классическихъ и германскихъ древностей и т. п. Въ сороковыхъ годахъ такое направленіе уже начало отражаться и въ трудахъ русскихъ ученыхъ, напримѣръ, Ѳ. И. Буслаева; главнѣйшіе принципы и методы той же школы были также восприняты бывшимъ питомцемъ Берлинскаго университета — Эрнстомъ Эдуардомъ Куникомъ: не совсѣмъ чуждый нѣкоторыхъ философскихъ теченій своего времени, онъ, подобно другу своему Мюлленгофу, посвятилъ, однако, свою жизнь спеціальнымъ научнымъ изслѣдованіямъ и примѣнилъ въ нихъ лингвистическій и критическій методъ къ разработкѣ русскихъ древностей.

---

1) Читано въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 15 октября 1914 г. по случаю столѣтія со дня рожденія А. А. Куника.

I.

Въ Прусской Силезіи, гдѣ отцу его Эрнсту Фридриху Кунику принадлежало небольшое имѣніе близъ города Яуера (Яворжа) и гдѣ родился Эрнстъ Эдуардъ 2/14 октября 1814-го года, онъ уже могъ почувствовать нѣкоторый интересъ къ германо-славянскимъ отношеніямъ: страна находилась подъ прусскимъ владычествомъ, но принадлежала нѣкогда Польшѣ и Чехіи и отличалась смѣшаннымъ населеніемъ, въ составъ котораго входило не мало славянскихъ элементовъ. Куникъ вскорѣ, дѣйствительно, заинтересовался его исторіей, отъ которой онъ вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ изученію аналогичныхъ отношеній и въ древней Россіи.

Въ родной деревнѣ Гренвицѣ (Грановицахъ), которую Куникъ называлъ «колыбелью своего дѣтства», онъ уже почувствовалъ влеченіе къ древностямъ: здѣсь онъ слушалъ рассказы отца о слезницахъ и черепкахъ могильныхъ урнъ или горшковъ, найденныхъ въ окрестностяхъ; здѣсь онъ также запоминалъ преданія старожиловъ о протестантахъ-богомолахъ, издавшахъ стекавшихся въ приходскую церковь; здѣсь онъ, еще позднѣе, занялся просмотромъ церковно-приходскихъ книгъ, въ которыхъ ему, между прочимъ, попалось извѣстіе о крещеніи писателя Гюнтера, пригодившееся ему впоследствии для одной изъ его работъ.

Съ теченіемъ времени, однако, кругъ научныхъ интересовъ Куника постепенно расширился: въ Лигницкой гимназіи, гдѣ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, Куникъ уже сталъ знакомиться съ исторіей Силезіи, которую они проходили на урокахъ грамматики по учебнику Моргенбесера и, между прочимъ, привелъ въ удивленіе своего учителя обстоятельнымъ отвѣтомъ на его вопросъ о томъ, какимъ образомъ Силезія попала подъ власть чешскихъ королей; въ другой разъ онъ вызвалъ одобреніе старшаго преподавателя Вернера, обнаруживши нѣкоторое знакомство съ прошлымъ Лигница, которое онъ узналъ изъ изданія стариннаго писателя Тебезія (Thebesius). Мало-по-малу Куникъ перешелъ отъ чешскаго періода Силезской исторіи къ польскому, для чего почувствовалъ нужду въ знаніи польскаго языка, а вслѣдъ за тѣмъ обратился къ изученію польской и вообще «славянской» исторіи¹⁾.

---

1) E. Kunik, Concept eines Briefes an Peterwitz, Cantor in Gränowitz, vom 30. Aug. 1894, нѣчто въ родѣ автобіографической записки, копію съ которой, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими выписками, Э. А. Вольтеръ любезно предоставилъ въ мое пользованіе; въ томъ числѣ сохранилось и стихотвореніе Куника, въ которомъ онъ воспѣваетъ свою деревню и вспоминаетъ мечты своей юности. Ср. Э. Вольтеръ, Академикъ А. А. Куникъ въ Рус. Стар. 1899 г., Май, стр. 365—366. Отецъ Ариста Аристовича Э. Ф. Куникъ скончался въ

Такимъ образомъ, Куникъ окончательно рѣшилъ посвятить себя исторіи: его влеченіе къ разслѣдованію германо-славянскихъ отношеній и историческихъ судебъ славянскихъ племенъ не могло заглухнуть, несмотря на тотъ живой интересъ, кокой онъ сталъ испытывать и къ «статистикѣ», и къ государственному праву. Въ Бреславльскомъ университетѣ Куникъ еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи: здѣсь онъ слушалъ Штенцеля, читавшаго, въ теченіе зимняго полугодія 1835—1836 гг., лекціи по исторіи Наполеоновскихъ войнъ 1811—1815 гг., а также принималъ участіе въ изученіи извѣстнаго сборника стариннаго мѣстнаго саксонскаго права (*Sachsenspiegel*); главнѣйшія его занятія, однако, продолжали сосредоточиваться въ области силезской исторіи, «научнымъ основателемъ» которой самъ онъ признавалъ Штенцеля, много сдѣлавшаго для разработки новыхъ источниковъ нѣмецко-славянской и особенно польской исторіи; его лекціи по исторіи Силезіи «плѣнили» молодого студента и вызвали въ немъ желаніе войти въ болѣе близкія отношенія къ учителю. Куникъ сошелся и съ однимъ изъ учениковъ Штенцеля — Вуттке, посвятившимъ нѣкоторые изъ своихъ трудовъ тому же предмету¹⁾.

Впрочемъ, Куникъ не долго оставался въ Бреславлѣ: стремленіе усовершенствоваться, подѣ руководствомъ выдающихся представителей нѣмецкой науки, свои историческія знанія и внести въ нихъ руководящія идеи и новые методы изслѣдованія, вѣроятно, побудило его поступить въ Берлинскій университетъ, гдѣ онъ и закончилъ курсъ по философскому факультету.

Во время пребыванія своего въ Берлинскомъ университетѣ Куникъ нѣсколько заинтересовался общими философскими и социальными проблемами своего времени и прошелъ серьезную историко-филологическую школу.

1857 г. Въ бумагахъ покойнаго академика сохранились указанія на его братьевъ Генриха и Вильгельма и на сестру Элеонору, но онъ рѣдко сносился съ ними. Родственники А. А. Куника писали свою фамилію «Kunick»; самъ онъ придерживался, однако, упрощенной формы: «Kunik». Годъ рожденія А. А. Куника установленъ лишь по датѣ, приведенной Шеміотомъ, вѣроятно, на основаніи собственнаго его показанія; см. В. Шеміотъ, Общій списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ со дня ея основанія, въ Зап. Имп. Академіи Наукъ 1873 г., т. XXII, кн. II, стр. 304. При появленіи А. А. Куника въ Москвѣ М. П. Погодинъ и другіе называли его «Иванъ Петровичъ», о чемъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, письмо М. П. Погодина отъ 26 дек. 1845 г., а иногда «Александръ Петровичъ» и «Орестъ Орестовичъ»; сохранилось, однако, письмо къ нему Н. Г. Устрялова отъ 1 февраля 1845 г., въ которомъ онъ уже называетъ Куника «Аристомъ Аристовичемъ»; см. «Absolv. Briefe vor 1845», въ Рукоп. Отд. Библиотеки Имп. Академіи Наукъ.

1) А. Куникъ, Литература исторіи въ Германіи за послѣдніе два года, въ жур. «Москвитянинъ» 1842 г., ч. II, стр. 412, 439, 446, 454; ч. III, стр. 79. Въ бумагахъ А. А. Куника сохранились письма къ нему Г. Вуттке (Heinrich Wuttke) изъ Лейпцига, сороковыхъ годовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, попавъ въ университетъ, гдѣ еще живы были преданія Гегеля, Куникъ не могъ не испытать на себѣ хотя бы мимолетнаго вліянія его философіи и обнаружилъ нѣкоторый интересъ не столько къ «правой», сколько къ «лѣвой» гегелизма: благодаря философіи Гегеля онъ ознакомился съ «новыми воззрѣніями на исторію человѣчества вообще и на нравственное значеніе государственной жизни» и даже дѣлалъ выписки изъ его философіи исторіи, изъ его біографіи, написанной Розенкранцемъ, и т. п. Въ краткомъ отзывѣ о философіи исторіи Гегеля, который появился черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи Куникомъ университетскаго курса, онъ указалъ на ея достоинства и недостатки. Куникъ усматривалъ «величайшее достоинство этой книги въ томъ, что она основала науку философіи исторіи на стройной философской системѣ», и указывалъ на чрезвычайно значительное ея вліяніе «въ отношеніи къ отдѣленію исторической учености отъ настоящей исторической науки и въ отношеніи къ улучшенію историческаго искусства». вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Куникъ признавалъ, что сочиненіе Гегеля, возникшее изъ лекцій, имѣетъ свойственные имъ недостатки и что «внутреннее раздѣленіе предмета и его спеціальная обработка должны быть начаты снова»; онъ упрекалъ Гегеля въ односторонности, которая лишаетъ его возможности отдать должную справедливость нѣкоторымъ народамъ: приписывая слишкомъ высокое всемірное историческое значеніе тому племени, отъ котораго самъ онъ произошелъ, Гегель упустилъ изъ виду постепенное возрастаніе славянства и возможность его будущаго значенія: онъ не «возвысилъ славянской исторіи до идеи», т. е. не осуществилъ задачи, которую предстоитъ исполнить будущимъ историкамъ¹⁾. Впрочемъ, Куникъ интересовался не только Гегелемъ и Гумбольдтомъ съ его ученіемъ объ идеяхъ, но и представителями правой и, въ особенности лѣвой гегелизма: онъ обратилъ вниманіе на сочиненія Ганса и Фейербаха²⁾.

Судя по записнымъ тетрадямъ Куника, его чтенія и выписки довольно часто касались «сущности христіанства» и даже затрагивали социальную

---

1) А. Куникъ, Литература исторіи въ Германіи, въ жур. «Москвитянинъ» 1841 г., ч. II, стр. 445; ч. III, стр. 93, 107, 120, 121—122, 127—128.

2) Бумаги А. А. Куника, въ Рукоп. Отд. Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, тетрадь безъ переплета; здѣсь выписки: изъ трудовъ Гегеля, между прочимъ о нравственности; изъ сочиненія извѣстнаго юриста и публициста (сперва либерала, затѣмъ консерватора) Legminier, *Législation comparée*; по вопросу о «Славянствѣ» и т. п. Бумаги А. А. Куника, въ Библ. Имп. Академіи Наукъ Отд. II, Mel. I. А. Въ той же тетради встрѣчаются еще выдержки изъ сочиненій В. Гумбольдта (*Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers*), Шеллинга (*Offenbarung*, т. е., надо думать «*Die Philosophie der Mythologie und der Offenbarung*»), Баура, Штрауса, Россбука, Шпигеля, Гримма (Якова), Раумера, Роте и т. д.

проблему: онъ не чуждался нѣкотораго свободомыслія и въ области религіозной догмы, которую онъ готовъ былъ подвергнуть строгой критикѣ тюбингеской школы, и въ области пониманія ближайшихъ задачъ соціальнаго строя: онъ знакомился, напримѣръ, съ нѣкоторыми взглядами Руге, незадолго до того времени выступившаго вмѣстѣ съ Марксомъ въ качествѣ редактора «нѣмецко-французскаго ежегодника»¹⁾.

Разносторонніе интересы Куника не слишкомъ отвлекали его, однако, отъ болѣе специальныхъ работъ, къ которымъ онъ окончательно подготовился въ Берлинскомъ университетѣ: время Риттера, Боппа и Потта, Бёка и Гейзе, Гримма (Якова) и Лахманна, Дройзена и Ранке не могло не оказать существеннаго вліянія на его научные взгляды; онъ изучалъ сравнительное языкознаніе и историческую грамматику, усвоилъ себѣ правила исторической интерпретаціи и критики, пріобрѣлъ познанія въ вспомогательныхъ историческихъ наукахъ и избралъ однимъ изъ предметовъ своихъ самостоятельныхъ занятій исторію Славянъ, жившихъ по Одеру²⁾.

Въ 1838-мъ году Куникъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата философіи, а въ слѣдующемъ уже появился въ Москвѣ, куда прибылъ изъ Варшавы, едва ли не въ качествѣ домашняго учителя. Рекомендованный Погодину, Куникъ въ его лицѣ нашелъ себѣ и руководителя, и покровителя, временно пріютившаго его и восторженно писавшаго о немъ гр. С. С. Уварову; благодаря Погодину молодой ученый лично познакомился съ министромъ и даже посѣщалъ его въ «Порѣчьѣ»³⁾.

1) См. выше стр. 1458, прим. 2. Въ письмѣ, находящемся въ собраніи писемъ къ А. А. Кунику, отъ 1 іюня 1848 г., Wegewalt (?) сообщаетъ, вѣроятно, по поводу недавно бывшаго спора, свои соображенія касательно подлинности четырехъ евангелій и, между прочимъ, пишетъ: «... l'école de Tubingue dont vous m'avez dernièrement encore fait l'éloge...; ... cette école de Tubingue, qui, à vous entendre, fera main basse à ce Christianisme officiel et usé, en ne voyant dans le Christ qu'un savant professeur de Nazaret et en niant l'authenticité des évangiles.... Vous m'avez encore dit que la chimie etc. doivent être de plus considérées comme les ennemis de l'Écriture...». Впрочемъ, обращеніе письма («Monsieur») не указываетъ прямо на адресата; въ концѣ письма: «Je vous renvoie l'édition de Charmou» etc. Въ вышеуказанной тетради Mel. I, А. имѣется рядъ выписокъ, озаглавленныхъ: «Arnold Ruge, 1846». Эту глухую ссылку легко раскрыть: въ 1846-омъ году вышло публицистическое произведеніе Руге подъ заглавіемъ: «Zwei Jahre in Paris», 2 Teile, Lpz. Въ немъ, дѣйствительно, можно встрѣтить мѣста, выписанныя Куникомъ, напримѣръ, въ ч. II, стр. 14, 15 и др.

2) А. Куникъ. Op. cit., въ журн. «Москвитянинъ» 1841 г., ч. II, стр. 433, 435, 436, 459, 462; ч. III, стр. 75, 92. Въ числѣ профессоровъ Берлинскаго университета въ то время еще былъ и Савиньи; онъ прекратилъ чтеніе лекцій только весною 1842 г.

3) Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V, стр. 383, 386, 397; кн. VI, стр. 123. Въ бумагахъ А. А. Куника сохранилась записка М. П. Погодина, вѣроятно, первой половины 40-хъ годовъ, характеризующая его гостепримство; онъ писалъ, можетъ быть, по поводу Зенькова, котораго ему хотѣлось устроить въ Петроградѣ: «Ай Петер-

Разносторонне образованный Куникъ не даромъ вызвалъ сочувствіе Погодина: смотря на національность, какъ на «средство къ достиженію гуманности», онъ хотѣлъ выступить въ роли безпристрастнаго посредника между славянской и нѣмецкой наукой. И дѣйствительно, по пріѣздѣ своемъ въ Москву, Куникъ, съ одной стороны, занялся переводомъ нѣкоторыхъ русскихъ сочиненій на нѣмецкій языкъ, напримѣръ, извѣстной энциклопедіи законовѣдѣнія Неволіна, славянской міѳологіи Касторскаго и иныхъ, а съ другой — напечаталъ въ «Москвитянинѣ» обширное обозрѣніе новѣйшей нѣмецкой исторической литературы, рецензію на сочиненіе Рейца о далматинскихъ городахъ и т. п. Въ послѣдней изъ вышеназванныхъ статей Куникъ указывалъ на «поразительное сходство между южно-словенскими и сѣверо-словенскими общинами», между исторіей Дубровника и Новгорода и т. п., при чемъ замѣтилъ, что эти общины, вызванныя «естественнымъ ходомъ вещей», «погибли отъ одной и той же политической болѣзни, отъ коей могло исцѣлить ихъ только сильное и безпрестанно возвышающееся къ идеѣ чистой монархіи самодержавіе». Съ большимъ знаніемъ дѣла, знакомя нѣмецкихъ читателей съ русской наукой, а русскихъ — съ нѣмецкой, неутомимый Куникъ готовъ былъ даже расширить кругъ своихъ работъ: нѣсколько позднѣе онъ предлагалъ Погодину слѣдить и за другими иностранными литературами¹⁾.

Въ виду той же культурной цѣли, изъ-за которой Куникъ началъ сотрудничать въ «Москвитянинѣ», онъ рѣшился, въ 1841-мъ году, снова побывать въ Германіи и, вѣроятно, хотѣлъ выступить здѣсь въ роли посредника между славянской и нѣмецкою литературой, особенно «въ отношеніи къ исторіи древнихъ обитателей береговъ Вислы и Эльбы»; но по пріѣздѣ въ Берлинъ онъ убѣдился въ томъ, что нѣмецкая и въ особенности прусская ученость находятся подъ сильнымъ вліяніемъ все болѣе и болѣе возрастающаго патріотическаго настроенія и, въ виду пренебреженія ея къ славянской исторіи, не встрѣтилъ сочувствія своимъ планамъ; въ поябрѣ

бургъ! Вижу его теперь съ новой стороны. Что-же значить этотъ проклятой городъ въ сравненіи съ нашей Матушкой Москвою! Я не помню, чтобы когда нибудь жили у меня меньше трехъ-четырехъ постороннихъ людей и могу насчитать 20 домовъ, гдѣ бываетъ то-же и гдѣ это считается ровно ни за что, а у васъ и прислониться даромъ нельзя. Ай цивилизація! ай западъ!» См. «Absolv. Briefe vor 1845» въ Рук. Отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ.

1) Н. Барсуковъ, *Op. cit.* кн. V, стр. 396—398; кн. VI, стр. 32, 59, 334—335, 338; кн. VII, стр. 400—401; ср. кн. VIII, стр. 327; кн. XII, стр. 324. Изъ писемъ М. П. Погодина къ А. А. Кунику, относящихся къ тому времени (1844 г.), видно, что между ними шли переговоры о завѣдываніи имъ нѣкоторыми отдѣлами журнала «Москвитянинъ», главнымъ образомъ, тѣми, которые касались иностранной литературы, особенно исторической и т. п.

1842 г., по совѣту Погодина, онъ уже вернулся въ Россію и вскорѣ полюбилъ ту страну, въ которой ему пришлось окончательно устроиться и прожить почти безвыѣздно многіе годы ¹⁾. Кунику казалось, однако, необходимымъ поселиться въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ: тамъ онъ думалъ найти болѣе благопріятныя условія для своихъ научныхъ занятій и пользоваться сокровищами Археографической Комиссіи, Императорской Публичной и Академической Библіотекъ, а также указаніями Аделунга, Востокова, Сахарова и другихъ для составленія задуманнаго имъ «руководства къ литературѣ Русской исторіи» и другихъ работъ ²⁾.

Благодаря своему образованію и пройденной имъ школѣ Куникъ, по пріѣздѣ въ Россію сразу приобрѣлъ научный авторитетъ: онъ переросъ Погодина, лишеннаго «нѣмецкой лингвистической учености», что, впрочемъ, не мѣшало ему цѣнить работы своего предшественника, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сталъ выше Срезневскаго, котораго онъ не считалъ «истиннымъ филологомъ». «Всегда бодрый и живой, полный одушевленія къ наукѣ и готовый воодушевить другого», Куникъ вскорѣ заслужилъ отеческое расположеніе Аделунга, а также довѣріе Круга и другихъ членовъ Академіи; послѣ довольно томительнаго ожиданія ему удалось, наконецъ, въ 1844 году, получить при ея Нумизматическомъ Кабинетѣ мѣсто второго

---

1) А. Куникъ, *Op. cit.*, въ журн. «Москвитинія» 1841 г., ч. II, стр. 438—439, 443, 445—446, 452; ч. III, стр. 112. Дата отъѣзда А. А. Куника въ Германію приводится по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Э. Вольгеромъ въ *Рус. Стар.* 1899 г., май, стр. 367—368. Въ письмѣ къ А. А. Кунику, отъ 2 августа 1842 г., Г. Бусилинъ пишетъ, однако, о его отъѣздѣ, какъ о фактѣ, случившемся недавно. М. П. Погодинъ обратился къ А. А. Кунику 22 мая 1842 г. со слѣдующимъ совѣтомъ: «Сужу по вашему письму, что вы тамъ не успѣете. Не лучше ли опять на Святую Русь?» П. С. Билярскій, въ письмѣ къ А. А. Кунику (безъ даты), выражаетъ свое удивленіе быстрому его возвращенію: «я полагалъ, что Вы не успѣли еще тамъ—дома обглядѣться и вдругъ узнаю отъ Вашихъ московскихъ знакомыхъ, что Вы опять у насъ, въ Петербургѣ!..» и т. д. М. П. Погодинъ начинаетъ свое письмо къ А. А. Кунику, вѣроятно, относящееся къ концу 1842-го года (19 ноября), словами: «Ба, ба, ба! На Святой Руси — поздравляю, поздравляю. Что за удивительная внезапная перемѣна?..» и т. д. См. «*Absolv. Briefe von 1845*» въ *Рукоп. Отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ*. Судя по формулярному списку, А. А. Куникъ, по возвращеніи въ Россію, только однажды ѣздилъ за границу, въ Пруссію и въ Австрійскую Силезію въ 1847 г., да и то лишь на 28 дней, съ 7-го іюля, главнымъ образомъ, для того, чтобы навѣстить «болѣзненнаго старика отца»; см. Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. IX, стр. 162.

2) Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. VI, стр. 336—339; кн. VII, стр. 221—222. Надъ своимъ трудомъ по «Литературѣ Русской исторіи» Куникъ продолжалъ работать еще въ 1849 году; см. *ib.*, кн. X, с. 380. Ср. еще Е. Kunik, *Geschichte des Russischen Volkes und Reiches* (за послѣдніе три года), въ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches*, St. Petersburg, 1845, Bd. IX, Abtt. 1, pp. 177—219. См. еще ниже с. 1464, прим. 1.

хранителя русских монетъ и древностей, а вскорѣ затѣмъ попасть и въ составъ дѣйствительныхъ ея членовъ¹⁾.

II.

Въ то время Куникъ, несмотря на его молодые годы уже выработалъ свои общіе историческіе взгляды: подъ впечатлѣніемъ гегельянской философіи онъ пришелъ къ широкому пониманію исторіи, которая представлялась ему «произведеніемъ духа», состоящимся изъ всего того, въ чемъ проявляется этотъ духъ, и не могъ согласиться съ тѣми, которые ограничивались «начертаніемъ исторіи какой-нибудь войны или какихъ-нибудь внѣшнихъ отношеній, не постигнувъ притомъ идей, имѣвшихъ вліяніе на внутреннее бытіе народа или времени»²⁾. Куникъ придерживался такого взгляда и на «славянскую исторію»: онъ ставилъ главною ея задачей—«изображеніе духовной ея стороны или, говоря въ строгомъ смыслѣ, возвышеніе ея до идеи», при чемъ полагалъ, что «въ простомъ народѣ должно преимущественно искать основного элемента первобытной общественной жизни Славянъ». Въ тѣсной связи съ ихъ историческимъ прошлымъ Куникъ изучалъ и русскую исторію, при чемъ, разумѣется, ближе стоялъ къ западникамъ, чѣмъ къ славянофиламъ: онъ придерживался «системы», которая, по словамъ Погодина, состояла въ томъ, что «вся исторія въ личности», и что «личности до Петра Великаго у насъ не было»; въ оцѣнкѣ преобразователя и преклоненіи передъ его «необъятнымъ геніемъ и исполинскими дѣлами» онъ также расходился съ «славяноманами»³⁾.

Въ своихъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ Куникъ стремился сочетать лингвистическія знанія съ историческими, особенно въ той области варяго-русскихъ древностей, которая стала главнымъ предметомъ его работъ. Вообще Куникъ полагалъ, что филологія есть настоящая наука «только какъ позитивная исторія языка»; что, «всякій языкъ есть произве-

---

1) Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. VII, сс. 216—219, 224—227; кн. VIII, сс. 460, 465; кн. X, стр. 406; кн. XV, стр. 394. *Briefwechsel zwischen akademiker Kunik und W. v. Gutzeit*, Riga, 1899, pp. 56—57. А. А. Куникъ былъ опредѣленъ вторымъ хранителемъ при Нумизматическомъ Кабинетѣ въ февралѣ 1844-го года.

2) А. Куникъ, *Op. cit.*, въ жур. «Москвитянинъ» 1841 г., ч. II, сс. 463, 470; *op. ib.*, стр. 407—408, гдѣ авторъ, разсуждая о желательности «Энциклопедіи науки исторіи», полагаетъ, что она должна будетъ, между прочимъ, представить «діалектическимъ образомъ подвиги духа человѣческаго, его проявленіе въ правѣ, въ государствѣ, въ религіи, въ литературѣ, въ философіи, въ искусствѣ и т. д.»; ч. III, стр. 129; *op. выше* стр. 1458.

3) Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. X, стр. 401. А. Куникъ, *Op. cit.*, въ жур. «Москвитянинъ» 1841 г., ч. II, сс. 445, 456; ч. III, стр. 79, 80, 95.

деніе исторіи народа и что онъ въ своемъ запасѣ содержитъ свидѣтельства о такихъ его древнѣйшихъ отношеніяхъ, какихъ нельзя подтвердить историческими документами»; въ числѣ очередныхъ задачъ исторической лингвистики онъ ставилъ, между прочимъ, выясненіе «родственныхъ отношеній трехъ вѣтвей Балтійскаго племени — Германцевъ, Литовцевъ и Славянъ — между собою»; онъ хотѣлъ воспользоваться лингвистическими методами и выводами и для построенія древнерусской исторіи: «послѣ того, какъ въ русской наукѣ, писалъ онъ, признано невозможнымъ разрѣшить варяго-русскій вопросъ чисто историческимъ путемъ, рѣшеніе его выпадаетъ на долю лингвистики, въ области которой такъ же, какъ и въ математикѣ, не могутъ играть роли ни софизмы, ни сентиментальности»¹⁾. Впрочемъ, кромѣ лингвистики и, въ частности, «сравнительной ономастики», Куникъ свободно располагалъ и другими научно-вспомогательными средствами исторіи; онъ отличался большимъ критическимъ тактомъ и постоянно изошрялъ его въ работѣ надъ самыми разнообразными лѣтописными и документальными текстами; онъ обладалъ также обширными познаніями въ области исторической этнологіи и хронологіи, считалъ нужнымъ прибѣгать къ «сравнительному изученію средневѣковыхъ народовъ» и не чуждался историко-юридическихъ конструкцій; ему хотѣлось приложить средства подобнаго рода къ изслѣдованію нѣкоторыхъ проблемъ русской исторіи, въ особенности варяго-русскихъ древностей²⁾.

Такое направленіе приняли историческія занятія Куника подъ вліяніемъ цѣлаго ряда соображеній: онъ легко перешелъ отъ «славянской», въ частности польской, исторіи къ русской, такъ какъ считалъ, что «польская исторія въ ея существенныхъ чертахъ принадлежитъ къ числу главныхъ

1) А. Куникъ, Варягоборство и проч. въ Зап. Имп. Академіи Наукъ, т. 26, кн. 1, стр. 460. Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. VII, стр. 367; кн. VIII, стр. 460; кн. XIX, стр. 234.

2) А. Куникъ, Предисловіе къ Отрывкамъ С. Гедеонова, въ прил. къ I тому Зап. Имп. Академіи Наукъ, № 3, С.-Пб. 1862 г., сс. IV — V. О сравнительной ономастикѣ см. еще письмо А. А. Куника къ А. Bielenstein'у въ его Vortrag zum Andenken an den Akademiker Dr. Ernst Kunik, въ Rigaer Tageblatt, 1899, №№ 58 и 59; отд. отд., pp. 18—22. Briefwechsel zwischen akademiker Kunik und W. von Gutzeit, pp. 6, 35. Приемы критики Куникъ приложилъ, между прочимъ, въ своемъ изслѣдованіи о Конрадѣ Буссовѣ и о трехъ редакціяхъ его хроники, одна изъ которыхъ (первая) составлена была при участіи Бера; см. А. Kunik, Aufklärungen über Konrad Bussow und die verschiedenen Redactionen seiner Moscovitischen Chronik, въ Bull. de l'Académie Imp. des Sciences, cl. hist.-phil., St.-Petersbourg, 1851, t. VIII, pp. 305 sq. Нѣсколько позднѣе Куникъ принималъ большое участіе въ обнаруженіи поддѣлокъ Фирковичей; см. Зап. Имп. Академіи Наукъ, т. XV, стр. 252 — 264. Ср. письма А. А. Куника къ Ф. К. Бруну, присланныя мнѣ проф. И. А. Линниченко изъ Одессы и печатаемыя въ Сборникѣ разысканій С. А. Гедеонова и А. А. Куника о Варяжскомъ вопросѣ, отъ 10 февраля 1864 г.; 11 іюня 1865 г.; 8 октября 1875 г.

источниковъ русской исторіи»¹⁾). Въмѣстѣ съ тѣмъ Куникъ, по собственнымъ его словамъ, живо интересовался государственными учрежденіями и, значить, естественно долженъ былъ обратить особенное вниманіе на исторію того славянскаго народа, который выработалъ сильную государственность, т. е. на исторію русскаго государства. Въ качествѣ историка, слѣдившаго за генезисомъ явленій, Куникъ остановился прежде всего на его основаніи; но для того, чтобы выяснитъ его происхожденіе, онъ долженъ былъ подвергнуть внимательному изслѣдованію тѣ «силы, которыя были приведены въ движеніе при основаніи русскаго государства», т. е. выяснитъ, какъ оно вообще возникло, чего нельзя было сдѣлать, не изучивъ того норманскаго элемента, который сыгралъ столь видную роль въ занимавшемъ его процесѣ. Предварительное изслѣдованіе народности призванныхъ князей Куникъ признавалъ тѣмъ болѣе нужнымъ, что исходилъ изъ мысли о присутствіи ей склонностей, обусловившихъ тотъ, а не иной характеръ древнерусской государственности²⁾). Такимъ образомъ Куникъ и пришелъ къ проблемѣ, разрѣшенію которой онъ посвятилъ главный свой трудъ, предопредѣлившій направление и всей послѣдующей его дѣятельности.

Впрочемъ, кромѣ общихъ соображеній Куникъ, очевидно, долженъ былъ принять во вниманіе и состояніе славянской и русской исторической науки, что также убѣждало его въ своевременности его научнаго предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, «Варяжскій вопросъ», послѣ столѣтняго обсужденія его учеными разныхъ школъ, все еще оставался безъ окончательнаго рѣшенія: «система» Байера продолжала вызывать возраженія тѣхъ, которые хотѣли доказать, что Варяги—славянскіе Вагры, или поморскіе Руссы, или коренные славяно-русскіе обитатели восточной Европы и т. п. Со второй половины тридцатыхъ годовъ вопросъ о происхожденіи «Варяговъ и Руссовъ» возбудилъ даже особенный интересъ «оборонителей славяно-русскаго народа» и, вопреки изслѣдованіямъ и «поученіямъ» Погодина о «норманскомъ началѣ», сталъ рѣшаться въ духѣ славянской теоріи, преимущественно нѣкоторыми изъ преемниковъ и учениковъ Каченовскаго. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, напримѣръ, появилось отдѣльною книжкою сочиненіе Венелина о «Скандинавоманіи», отождествлявшее Варяговъ съ поморскими Славянами и приводившее въ «восторгъ» молодого Ешевскаго; въ то же

---

1) А. Куникъ, Литература исторіи въ Германіи, въ жур. «Москвитянинъ» 1841 г., ч. III, стр. 86. E. Kunik, Analectes historiques, въ Bulletin de l'Académie Impér. des Sciences de St.-Petersbourg, Cl. hist.-phil., St.-Petersb., 1849, t. VI, p. 365.

2) E. Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, St.-Petersburg, 1844, 1. Abth., pp. III — IV, V — XXVIII.

время Максимовичъ разсуждалъ о «поморскихъ Норманнахъ словенскаго племени»; Морошкинъ выступилъ со своими «историко-критическими изслѣдованіями» о Руссахъ—Славянахъ, будто бы «въ конецъ подрывавшими Байерову систему»; Савельевъ-Ростиславичъ, послѣдователь Венелина и сотрудникъ «Маяка», печаталъ статьи, въ которыхъ онъ высказывался противъ норманнской теоріи и въ пользу самобытности Славянъ въ Европѣ; Александровъ сочувственно отзывался о представителяхъ «словено-русской школы» и живо передавалъ, въ своихъ письмахъ къ издателю того же журнала, впечатлѣнія и сужденія «просвѣщенныхъ» москвичей, вызванныя ихъ теоріями, и т. п.¹⁾

Такое увлеченіе возбуждало опасенія даже тѣхъ, которые, вопреки мнѣнію Куника, сожалѣли о томъ, что русскіе изслѣдователи посвящаютъ такъ много силъ изученію «Варяжскаго вопроса»: Шафарикъ, высказавшій подобнаго рода мнѣніе въ своихъ Славянскихъ древностяхъ, все же долженъ былъ признать, что «о Варягахъ Руси можно еще написать новую книжечку, чтобы извѣстное вѣрное лучше утвердить и извѣстное ложное лучше отстранить», но требовалъ отъ ученаго, который возьмется за это дѣло послѣ Шлёцера и Погодина, чтобы онъ отличался «духомъ безпристрастія» и имѣлъ «хорошее филологическое образованіе». Вполнѣ обладая такими качествами и не соглашаясь ни съ пріемами, ни съ выводами норманнофобовъ, Куникъ могъ указать еще на одно обстоятельство, которое значительно увеличивало интересъ подобнаго рода работы: онъ имѣлъ основаніе думать, что тотъ, кто примется за нее, не ограничится пересмотромъ ранѣе «пзвѣстнаго», а будетъ въ состояніи привлечь новый матеріалъ, накопившійся въ теченіе 1838—1845 гг. и касающійся Норманновъ-

---

1) М. Погодинъ, Происхожденіе русскаго государства, въ жур. «Москвитянинъ», 1842 г., кн. I, стр. 201. «Скандинавоманія» Ю. Венелина, составленіе которой было прервано его смертью, стала печататься въ журналѣ «Московскій Наблюдатель» 1836 г., а затѣмъ появилась отдѣльнымъ изданіемъ въ Москвѣ также въ 1842 году; см. стр. 8. О Ешевскомъ и его временномъ увлеченіи Варяжскимъ вопросомъ см. К. Бестужевъ-Рюминъ, Біографіи и характеристики, С.-Пб. 1882 г., стр. 285. М. Максимовичъ, Соч., Кіевъ, 1876 г., т. I, сс. 93—104. Сочиненіе Ѳ. Морошкина о значеніи имени Руссовъ и Славянъ напечатано въ Москвѣ въ 1840 г.; его «Изслѣдованія» вышли въ С.-Петербургѣ въ 1842 г. Ср. еще Ф. Святной, Что значитъ въ Несторовой лѣтописи выраженіе ,поидоша изъ Нѣмецъ' или нѣсколько словъ о Варяжской Руси, въ *Einladung zur öffentlichen Prüfung im Gymnasio zu Reval* и т. д., *Doplat* 1842, pp. 1—20; ср. Ф. Крузе, Происходятъ ли Руссы отъ Вендовъ и именно отъ Руговъ, обитавшихъ въ сѣверной Германіи?, пер. въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1843 г., № 7, стр. 43 и сл. А. Александровъ, Современные историческіе труды въ Россіи, С.-Пб., 1845 г., сс. 6—11, 49—50, 70 и др. Ср. еще Е. Kupik, *Op. cit.*, въ *Beiträge etc.*, Bd. IX, 1, pp. 204—206.

Руси 844 г., «gentes Normannorum» 866 г., «Chaganus Nortmannorum» 871 г. и т. д.¹⁾

Научная оцѣнка такихъ матеріаловъ отчасти могла бы быть сдѣлана и Погодинымъ, но въ то время онъ уже охладѣлъ къ работамъ подобнаго рода. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Кунику, писанномъ еще до смерти Круга, Погодинъ откровенно заявлялъ: «Происхожденіе Руси мнѣ надоѣло, особенно послѣ того, какъ я теперь долженъ былъ разбирать дичь Максимовича, Морошкина, Каченовскаго и проч. Для меня довольно того, что Русь была Норманны. Вы, свѣжіе люди дополняйте, распространяйте и объясняйте еще это положеніе, а я пошелъ ужъ дальше»²⁾.

Подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ условій и обстоятельствъ Куникъ и попытался опровергнуть мнѣніе «варягоборцевъ» о «безплодіи скандинавскаго воззрѣнія»: широко пользуясь лингвистическими данными и обладая обширными познаніями въ области сѣверныхъ и славянскихъ древностей, онъ, со свойственной ему научной пытливостью, приступилъ къ составленію извѣстнаго своего труда о «призваніи шведскихъ Родсовъ Финнами и Славянами», въ которомъ ему удалось тверже обосновать и развить ученіе о скандинавскомъ происхожденіи князей, основавшихъ русское государство. Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Погодину самъ Куникъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ научное значеніе своего сочиненія: онъ нарочно включилъ въ его составъ «тѣ главы, которыя посредствомъ обдуманыхъ лингвистическихъ изслѣдованій, связанныхъ историческими доказательствами и основанныхъ на твердыхъ принципахъ сравнительной словено-нормандской грамматики, направлены къ тому, чтобы навсегда защитить оспариваемыя положенія русской и польской исторіи отъ всѣхъ лжемудрствованій и неточныхъ неграмматическихъ этимологій», и пришелъ къ заключенію, что извѣстныя имена русскихъ князей, названія днѣпровскихъ пороговъ и т. д., по крайней мѣрѣ, большею частью соотвѣтствуютъ древне-сѣвернымъ и что во многихъ изъ нихъ чисто шведскіе звуковыя законы явно бросаются въ глаза; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подвергъ источники строгому критическому пересмотру, напримѣръ, при изслѣдованіи всѣхъ текстовъ, которые заключаются въ лѣтописи Нестора «или его предшественника» и

1) E. Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen, 2. Abth., pp. V—VI.

2) Письмо М. П. Погодина къ А. А. Кунику отъ 20 декабря (безъ года), въ его бумагахъ; см. «Absolv. Briefe vor 1845», въ Рукоп. Отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ. Погодинъ напечаталъ второй томъ своихъ «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій», содержащій разысканія о «происхожденіи Варяговъ», въ 1846 г., а «Норманскій періодъ русской исторіи» — въ 1859 году.

касаются слова «Варягъ», при пользованіи сказаніями иностранцевъ и т. п. Впрочемъ, Куникъ не хотѣлъ ограничиться разсмотрѣніемъ вопроса съ одной только «внѣшней» его стороны; онъ полагалъ, что «пора же, наконецъ, поставить рѣшеніе его не цѣлью, а только средствомъ къ цѣли», и признать, что «главное не въ имени, — не въ томъ, кто такіе были основатели русскаго государства: Словене или Финны, Германцы или Азіатцы, а въ томъ, какой духъ принесли они съ собою, какія силы [были] положены и приведены ими въ дѣйствіе при основаніи русскаго государства»¹⁾.

Сочиненіе Куника вызвало одобрительные отзывы нѣкоторыхъ академикомъ и другихъ специалистовъ и открыло ему путь въ Академію, тѣмъ болѣе, что ему же, по желанію Круга, было поручено посмертное изданіе его сочиненій, которое его молодой преемникъ впоследствии и выпустилъ, снабдивъ его обширною біографіей покойнаго ученаго. Вскорѣ, по предложенію Шёгрена, Куникъ былъ избранъ, 5 октября 1844-го года, въ адъюнкты Академіи Наукъ по русской исторіи. Искренне поздравляя новаго академика, Погодинъ писалъ ему: «ну вотъ — терпѣніе вознаградилось съ лихвою. Желаю успѣха и радуюсь. Только nicht so hitzig! Повторяю прежній совѣтъ». Куникъ едва ли послѣдовалъ, однако, такому увѣщанію: онъ весь погрузился въ научно-академическую дѣятельность и черезъ нѣсколько лѣтъ, 2-го марта 1850-го года, уже былъ избранъ въ экстраординарные академики, при чемъ до конца своихъ дней, въ теченіе сорока девяти лѣтъ оставался въ этомъ званіи²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ Куникъ принялъ на себя отправленіе и другихъ академическихъ обязанностей; онъ былъ большимъ любителемъ и страстнымъ собирателемъ книгъ и брошюръ, которыя нерѣдко снабжалъ цѣнными бібліографическими и другими собственноручными замѣтками, и съ теченіемъ времени собралъ значительное количество изданій, касавшихся разнообразныхъ предметовъ его занятій. Такія склонности, вѣроятно, были приняты во вниманіе Академіей при избраніи его директоромъ (Русскаго) Отдѣленія ея Библіотеки; съ 7 февраля 1858 года онъ долгое время занималъ эту должность, а черезъ четверть вѣка подалъ мысль учредить еще особый Славянскій Отдѣлъ для книгъ на всѣхъ славянскихъ языкахъ, кромѣ русскаго.

---

1) Н. Барсуковъ. *Op. cit.*, кн. VII, стр. 366, 378. Ср. А. Куникъ, Предисловіе къ «Отрывкамъ» С. Гедеонова, въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, т. I (1862 г.), прил. 3, сс. I—VI.

2) Протоколы Общаго Собранія 1844 г., § 95; 1850 г., § 30. Судя по послужному списку, А. А. Куникъ былъ Высочайше утвержденъ въ этихъ званіяхъ 8-го декабря 1844 года и 7-го іюля 1850 года.

По вступленіи въ члены Академіи Куникъ продолжалъ, впрочемъ не безъ вынужденныхъ перерывовъ, свои изслѣдованія въ области варяго-русскихъ древностей и даже предпринялъ, въ сопровожденіи художника Бермелѣва, поѣздку въ Старую Ладугу и Новгородъ. Результаты своихъ работъ, заключающихъ иногда и полемику съ его противниками — Ламанскимъ и другими, онъ излагалъ частью въ отдѣльныхъ экскурсахъ, напри- мѣръ, въ статьяхъ о походахъ русскихъ Норманновъ въ прикаспійскія страны, о запискѣ готскаго топарха, о хроникѣ Норманновъ Крузе, объ извѣстіяхъ ал-Бекри и другихъ писателей о Руси и Славянахъ и т. п., частью въ видѣ дополненій и критическихъ замѣчаній къ чужимъ трудамъ, въ особенности къ сочиненіямъ Дорна и Гедеонова¹⁾.

Въ «Каспіѣ» Дорна Куникъ охотно принялъ участіе, такъ какъ сбор- никъ выяснялъ обширное господство Норманновъ на Руси и ихъ смѣлые походы къ Каспійскому и Черному морямъ. Въ своихъ дополненіяхъ къ «Каспію» Куникъ не мало мѣста удѣлилъ «варягоборству»; онъ напечаталъ здѣсь любопытныя «генеалогическія таблицы» столь знакомыхъ ему именъ собственныхъ: «Русь» и «Варягъ», въ различныхъ ихъ звуковыхъ формахъ, и, между прочимъ, еще разъ пришелъ къ заключенію, что «древняя Россія стала морскою державою въ смыслѣ того времени лишь тогда, когда господство водобоязливыхъ хазарскихъ степныхъ наѣздниковъ было уничтожено въ Кіевѣ и далѣе знакомыми съ морскимъ дѣломъ Аскольдомъ и Олегомъ»²⁾.

По поводу печатанія «Каспія» Куникъ между прочимъ замѣтилъ, что «ему, пожалуй, никогда уже не придется вернуться къ тому же предмету», а въ самомъ сборникѣ выразилъ надежду, что и его противники не скоро возобновятъ полемику³⁾. Тѣмъ не менѣе въ самый годъ появленія «Каспія», одинъ изъ русскихъ историковъ, Бѣловъ провозгласилъ, что норманнская теорія «разрушена почти въ конецъ», а нѣкоторые изъ его едино-

---

1) Библиографическія указанія см. въ изданіи Библіотеки Имп. Академіи Наукъ «Ernesti Eduardi Kunik index operum omnium», Petropoli, 1894 (не поступившемъ въ продажу) и въ «Матеріалахъ для біографическаго словаря членовъ Академіи Наукъ, 1889—1914 г.». Петроградъ, 1914, т. I, сс. 365—374. Нѣмецкое изданіе ал-Бекри значительно полнѣе русскаго, о чемъ см., между прочимъ, письмо А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 4-го іюля 1877 года.

2) А. А. Куникъ, Письма къ Ф. К. Бруну отъ 2-го іюня 1875 г.; 21-го ноября 1875 года. «Начались ли русскія торговыя сношенія и походы по Черному и Каспійскому морямъ во времена Мухаммеда или при Рюрикѣ?», въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. XXVI, кн. 2, сс. 357—462 и 687—697. Русское изданіе «Каспія» нѣсколько полнѣе нѣмецкаго, хотя и въ послѣднемъ есть мѣста, которыя не попали въ русское, о чемъ см. письмо А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 8 октября 1875 г.

3) Письмо А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 2 іюня 1875 г. Briefwechsel zwischen akademiker Kunik und W. von Gutzeit, pp. 5, 9.

мысленниковъ продолжали походъ противъ норманнистовъ¹⁾. Въ теченіе одного года, слѣдующаго за изданіемъ «Каспія», напрімѣръ, кромѣ извѣстныхъ изслѣдованій Гедеонова о Варягахъ и Руси, появился еще цѣлый рядъ сочиненій извѣстныхъ противниковъ норманнской школы: въ Кіевѣ были переизданы статьи Максимовича, а въ Москвѣ и Петербургѣ вышли въ свѣтъ: «Разысканія» Иловайскаго и статьи Щеглова. Почти въ то же время антинорманнисты пріобрѣли себѣ еще новыхъ союзниковъ въ лицѣ Забѣлина и кн. Вяземскаго: они примкнули къ ихъ направленію и между прочимъ подвергли критикѣ тѣ выводы, къ которымъ Куникъ пришелъ въ своихъ обширныхъ примѣчаніяхъ къ «Каспію».

Впрочемъ, самъ Куникъ не отказывался отъ борьбы, которую онъ считалъ полезной для науки, и съ такой точки зрѣнія обращалъ особенное вниманіе на мнѣнія самаго серіознаго изъ своихъ противниковъ — Гедеонова²⁾: хотя Куникъ не могъ признать его теоріи правильной, однако, онъ все же не безъ уваженія относился къ его критическимъ замѣчаніямъ, напрімѣръ, о федератахъ-Варягахъ, и даже содѣйствовалъ появленію его работъ въ академическихъ изданіяхъ; изслѣдованія Гедеонова Куникъ снабжалъ нѣкоторыми любопытными замѣчаніями, а при печатаніи посмертнаго его сочиненія, которому онъ приписывалъ большее значеніе, чѣмъ нѣкоторымъ изъ предшествовавшихъ его трудовъ, Куникъ присоединилъ къ нему довольно обширныя разысканія о родовомъ бытѣ и о доваряжскихъ князьяхъ, о ихъ призваніи или завоеваніи и, въ особенности, о Черноморской Руси; его дополненія, касавшіяся и другихъ темъ, разрослись въ цѣлую книгу, текстъ которой былъ уже напечатанъ въ началѣ 1881-го года, но до сихъ поръ еще не вышелъ въ свѣтъ³⁾.

Съ другими антинорманнистами Куникъ не вступалъ въ столь обширную научную полемику. Охотно выслушивая дѣльныя возраженія, онъ не могъ, однако, примириться съ диллетантизмомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ противниковъ: въ концѣ 1870-хъ годовъ онъ приготовилъ къ печати сочиненіе, въ которомъ ему еще разъ пришлось коснуться «варягоборства» въ общедо-

---

1) Б. Дорнъ, Каспій, сс. 445—462, 687—697 (статья А. Куника: Варягоборство, съ указаніями на литературу до 1875 года, между прочимъ на сочиненія Котляревскаго, Васильевскаго и др.).

2) Въ письмѣ къ Ф. К. Бруну отъ 29 декабря 1870 г. А. А. Куникъ восклицаетъ: «was wäre die echte Wissenschaft ohne Kampf!».

3) А. Куникъ, О заслугахъ, оказанныхъ г. Гедеоновымъ норманнистикѣ, въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, т. XXXIII, прил. сс. 655—665. Н. Барсуковъ, Ор. cit., кн. XIX, стр. 295, 298; кн. XXI, стр. 348—350. Письма А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 26 сентября 1862 г.; 7 ноября 1862 г.; 20 января 1863 г.; 10 мая 1876 г.; 6 февраля 1879 года.

ступной и даже шутилой формѣ. Трудъ Куника былъ вызванъ, главнымъ образомъ, появленіемъ статьи Костомарова, который давно уже полемизировалъ съ Куникомъ, а въ послѣдней работѣ, написанной по поводу разбора книгъ Гедеонова и другихъ «варягоборцевъ», даже «отслужилъ панихиду по во брани убіеннымъ норманнистамъ¹⁾». Въ то время Погодина, пятьдесятъ лѣтъ боровшагося съ «норманнофобами», уже не было въ живыхъ; но ихъ пріемы и выводы не могли не вызвать протеста со стороны Куника: онъ высказалъ его въ «Открытомъ письмѣ къ сухопутнымъ морякамъ», по поводу «приговора Костомарова отъ 1 января 1877 года», котораго онъ желалъ «высмѣять». Въ своемъ письмѣ Куникъ предлагаетъ общее обозрѣніе главнѣйшихъ и спорныхъ положеній антинорманистовъ и той «разногласицы», которая обнаружилась въ ихъ мнѣніяхъ по одному и тому же предмету; тамъ же онъ даетъ указанія на отрицательное значеніе «варягоборства» для развитія противоположной ему теоріи. Давно уже замѣтивши существованіе нѣкоторыхъ «соприкосновеній» между готскими племенами и славянскими, Куникъ, въ томъ же сочиненіи, обращается съ «словомъ» и къ «новому поколѣнію» о тѣхъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ должно двинуть впередъ изученіе исторической этнографіи востока Европы въ варяжскій періодъ; въ числѣ послѣднихъ онъ ставитъ и готскій вопросъ: онъ считаетъ возможнымъ утвердительно сказать, что господство Готовъ надъ славянскими племенами . . . оставило по себѣ рѣзкіе слѣды въ бытѣ и языкѣ Славянъ, и что многія учрежденія, которыя Погодинъ и другіе производили отъ Норманновъ, слѣдуетъ приписать Готамъ. Такимъ образомъ, Куникъ уже въ 1877 году предвидѣлъ появленіе тѣхъ изслѣдованій, въ которыхъ наши лингвисты и историки только теперь принимаются за выясненіе готскаго вліянія на древнюю культуру и государственный бытъ Славянъ²⁾.

1) Н. Костомаровъ, О началѣ Руси, въ журналѣ «Современникъ», 1860 г., январь, сс. 28 и сл.; его же: Русская Историческая литература въ 1876 г., въ Русской Старинѣ 1877, т. XVIII, сс. 165, 179 и др. Аналогичное отношеніе къ Н. И. Костомарову уже высказывалъ К. Ширренъ въ письмѣ къ А. А. Кунику; см. Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. XVII, стр. 281. А. А. Куникъ называлъ Н. И. Костомарова своимъ «врагомъ»; см. *ib.*, стр. 303. Ср. еще *Briefwechsel zwischen akademiker Kunik und W. von Gutzeit*, pp. 9, 10, 14.

2) А. Куникъ, Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ, Спб., 1903, стр. 060—066. Ср. Галиндо и Черноморская Русь, сс. 389 и сл. *Briefwechsel zwischen akademiker Kunik und W. von Gutzeit*, p. 5; Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. XII, стр. 68. Въ письмѣ отъ 4-го іюля 1877 г. А. А. Куникъ сообщаетъ Ф. К. Бруну, что эта статья, которую онъ хотѣлъ предпослать сочиненію объ «ал-Бекри» и проч., едва ли появится, ибо «*ich stosse auf Schwierigkeiten bei der academischen Censur*»; и, дѣйствительно, «Открытое письмо» появилось только въ 1903 году; 14 декабря 1878 г. А. А. Куникъ высказалъ между прочимъ, Ф. К. Бруну мнѣніе, что послѣ «блестящаго фіаско», какое потерпѣли норманнофобы «едва ли стоитъ продолжать борьбу съ ними», развѣ только при научномъ истолкованіи нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, все еще представляющемъ затрудненія.

Впрочемъ, помимо борьбы съ норманнофобами, постепенно затихавшей съ восьмидесятихъ годовъ, Куникъ не совсѣмъ сходилъ и съ такими учеными, которые, подобно Васильевскому, готовы были признать, что «скандинавская теорія происхожденія русскаго государства до сихъ поръ остается непоколебленною», но вносили въ неѣ нѣкоторыя поправки; высоко цѣня его заслуги, Куникъ не разъ, однако, полемизировалъ съ нимъ, на примѣръ, по поводу его мнѣній о сравнительно позднемъ проникновеніи имени «Варангъ» въ Византію, о водвореніи «Рѣсовъ» на берегахъ Понта уже въ первой половинѣ IX-го вѣка и т. п. ¹⁾.

Изслѣдованія, посвященныя варяго-русскимъ отношеніямъ требовали, конечно, отъ Куника основательнаго знакомства съ иностранными источниками, касающимися среднихъ вѣковъ: вскорѣ по выходѣ главнаго своего труда онъ предпринялъ критическое ихъ обзорѣніе и особенное вниманіе удѣлялъ изученію византійской письменности и исторіи. Вполнѣ сознавая ихъ значеніе для пониманія всеобщей и, въ особенности, нашей исторіи, которая чуть ли не въ «большей своей половинѣ есть, вообще говоря, отраженіе византійской», Куникъ полагалъ, что «самое многостороннее и сильное покровительство Россіи византійскимъ занятіямъ никакой странѣ не доставитъ столько приобрѣтеній, какъ самой Россіи» и что для нея «болѣе, чѣмъ долгъ — начать въ этой области предпріятія и окончить ихъ». Горячо желая водворенія византиновѣдѣнія въ Россіи, Куникъ рекомендовалъ и тутъ придерживаться того направленія, какому онъ уже слѣдовалъ въ своихъ разысканіяхъ по варягорусскимъ древностямъ: онъ признавалъ необходимымъ приступить къ «лингвистическому введенію» въ изслѣдованіе памятниковъ византійской литературы, заняться критической ихъ обработкой и т. п.; усматривая «живоносное начало» Византіи въ христіанствѣ, онъ призывалъ къ такимъ работамъ преимущественно русскихъ ученыхъ, такъ какъ они, помимо всего прочаго, легче иностранныхъ могутъ постигнуть исторію византійской церкви, ея особенное историческое значеніе и судьбу ²⁾. Самъ Куникъ при-

1) Б. Дорнъ, Каспій, с. 695. А. Куникъ, Галиндо и Черноморская Русь, с. 336 и др.; въ послѣднемъ сочиненіи А. А. Куникъ доказывалъ, между прочимъ, «положенія о тождествѣ варваровъ топарха съ Вольной Черноморской Русью», см. ib., с. 374.

2) E. Kunik, Analectes historiques, въ Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences, cl. hist.-phil., St.-Petersb. 1849, t. VI, pp. 353—378 и др. А. Куникъ, Почему Византія донинѣ остается загадкой во Всемирной Исторіи, въ Уч. Зап. Академіи Наукъ, С.-Пб. 1853 г., т. II, сс. 423 — 444. Въ той же запискѣ Куникъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что «византійскія занятія — мостъ, который ведетъ къ занятіямъ древнегреческой и вмѣстѣ съ этимъ классической стариной». Въ письмѣ къ Ф. К. Бруну отъ 28 дек. 1853 г. А. А. Куникъ также писалъ: «gerade jetzt denke ich ernstlich daran, den byzantinischen Studien vermittelt unserer Akademie und im Bunde mit ausländischen Byzantinisten aufzuhelfen...».

ступилъ къ выполнению предлагаемаго имъ плана: онъ не разъ возвращался, напримѣръ, къ изученію амастридской и сурожской легендъ, интересовался перечнемъ византійскихъ грамотъ и писемъ, а также занимался и другими подготовительными работами по византійской исторіи¹⁾; онъ выступилъ, между прочимъ, съ мотивированнымъ предложеніемъ установить въ Академіи премію за лучшее сочиненіе по византійской хронографіи, содѣйствовалъ изданію извѣстнаго труда Муральта, посвященнаго ея разработкѣ и, между прочимъ, напечаталъ особую статью по поводу этого сочиненія. Въ началѣ 1890-хъ годовъ, по избраніи въ члены Академіи Васильевскаго, о чемъ Куникъ давно уже думалъ, онъ также принималъ участіе въ обсужденіи повременнаго изданія, которое было специально посвящено византиновѣдѣнію и стало выходить подъ редакціей Васильевскаго и Регеля съ 1894-го года подъ названіемъ «Византійскаго Временника»²⁾.

Въ связи съ русско-византійскими изслѣдованіями, а также тѣмъ служебнымъ положеніемъ, какое Куникъ занялъ при Нумизматическомъ Кабинетѣ Академіи и въ Эрмитажѣ, гдѣ онъ, съ 8 марта 1859 года, состоялъ хранителемъ русскихъ монетъ и медалей, а затѣмъ и хранителемъ галлерей Императора Петра I и драгоценныхъ вещей, находились также нѣкоторыя другія работы Куника, посвященныя русско-византійской нумизматикѣ³⁾.

---

1) Е. К. Ernst Eduard Kunik, въ *Byzant. Zeitschr.*, Bd. VIII (1899), pp. 610 — 612; здѣсь библиографическія указанія на труды Куника, касающіяся византиновѣдѣнія. Въ письмѣ къ М. П. Погодину отъ 13 октября 1862 г., А. А. Куникъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Какъ умѣютъ теперь въ Германіи разрабатывать легенды среднихъ вѣковъ!»; см. Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. XIX, с. 294. Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ Куникъ также очень заинтересовался «проповѣдями» патріарха Фотія, произнесенными въ 865 году по поводу нашествія Руси (εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ῥώσ), но не успѣлъ издать ихъ; см. его письма къ Погодину у Н. Барсукова, *Op. cit.*, кн. XVII, сс. 520 — 525; о легендахъ см. *ib.*, кн. XIX, с. 294; письмо къ Ф. К. Бруну отъ 16 сентября 1862 г. и *Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences, cl. hist.-phil.*, t. VI (1849), pp. 372—379; t. VII (1850), pp. 70—74; t. VIII (1851), pp. 185—192, а также изданіе самихъ бесѣдъ подъ ред. В. Эрнштедта и П. Никитина, вмѣстѣ съ статьей А. Куника о трехъ спискахъ Фотіевыхъ бесѣдъ, въ *Зап. Имп. Акад. Наукъ, Ист.-Фил. Отд.*, 8-ая серія, т. VII (1906), № 8.

2) Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. XV, с. 414. Ср. еще краткую замѣтку свящ. Н. Попова: Начало византиновѣдѣнія въ Россіи, въ *Сборникѣ статей, посвящ. В. О. Ключевскому*, М., 1909 г., сс. 435—448. *Briefwechsel zwischen akademiker Kunik und W. von Gutzeit*, p. 61. Здѣсь Куникъ сообщаетъ, что онъ уже за 12 лѣтъ до 1890-го года хотѣлъ содѣйствовать избранію В. Г. Васильевскаго въ Академію въ виду потребности въ разработкѣ византійской исторіи, но что бывшіе тогда президентъ и непремѣнный секретарь, «der bitterste Feind meines Lebens» (гр. Ф. П. Литке и К. С. Веселовскій) «aus purer Unwissenheit» были противъ этого.

3) По новымъ штатамъ Императорскаго Эрмитажа 1886 года А. А. Куникъ былъ назначенъ на должность старшаго хранителя.

Вообще, слѣдую пути, отчасти уже намѣченному Кругомъ, онъ высказалъ, напримѣръ, въ разысканіяхъ о «русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича» и о «славяно-византійскихъ монетахъ», а также другихъ статьяхъ свое мнѣніе о Владиміровомъ и о «Ярославѣ златѣ и серебрѣ»; онъ доказалъ, вопреки довольно распространенному тогда мнѣнію Рейхеля и другихъ ученыхъ о южно-славянскомъ ихъ происхожденіи, что эти монеты были чеканены при Владимірѣ св. и Ярославѣ-Георгіи, и такимъ образомъ положилъ прочное основаніе древне-русской нумизматикѣ; «лѣтописями» ея онъ занимался и въ послѣдующее время¹⁾.

Большой знатокъ сравнительно-исторической этнографіи, которая по его мнѣнію, служитъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній между племенами и народами и даетъ возможность создать такимъ образомъ основательную и подлинную исторію цивилизаціи, Куникъ касался и болѣе спеціальныхъ проблемъ подобнаго рода, напримѣръ, въ своемъ разсужденіи о вліяніи иранскаго племени на судьбы семитическихъ народовъ, а также въ примѣчаніяхъ къ извѣстному изслѣдованію Биленштейна о границахъ литовскаго племени и въ другихъ трудахъ²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ Куникъ много содѣйствовалъ разработкѣ исторіи западно-русскихъ окраинъ и иновродческихъ элементовъ русской и славянской исторіи. Въ качествѣ члена Археографической Комиссіи и главнаго редактора издаваемыхъ ею иностранныхъ актовъ, онъ принималъ дѣятельное участіе, напримѣръ, въ образцовомъ изданіи сборника русско-ливонскихъ грамотъ Напіерскаго и печаталъ грамоты, относящіяся къ исторіи Галиціи и собранныя Зубрицкимъ; онъ также благопріятствовалъ появленію Ливонской хронографіи Боннеля, интересовался литовскими древностями и лѣтописями и заботился о составленіи сборника, посвященнаго исторіи князя Болеслава Юрія II и образованнаго изъ переводной работы Ржежабека и другихъ матеріаловъ; кромѣ того онъ въ разное время писалъ о происхожденіи и постепенномъ распространеніи имени Чудь, о Хагано-болгарахъ и ихъ родствѣ съ Чува-

---

1) А. Куникъ, О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича, С.-Пб., 1860 г.; Розысканія о славяно-византійскихъ монетахъ, въ Изв. Имп. Археол. Общ. въ С.-Пб., т. III, сс. 69—79 и др. По поводу полемики, возникшей у А. А. Куника съ бар. Кёне см. письмо А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 3 ноября 1860 г.

2) А. Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes etc. St.-Petersburg, 1892, со многими добавленіями и исправленіями А. А. Куника. Почти въ то-же время Академія предприняла, подѣ наблюденіемъ А. А. Куника, изданіе «Матеріаловъ для историко-этнографической географіи сѣверо-западной Россіи»; см. Э. Вольтеръ, Списокъ населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи, С.-Пб., 901; судя по письму А. А. Куника къ А. Биленштейну текстъ уже былъ напечатанъ въ 1893 году.

шами, о Печенѣгахъ и Половцахъ, о вторженіи Татаръ въ предѣлы русскихъ земель и т. п. ¹⁾).

Многія изъ такихъ работъ были тѣсно связаны съ хронологіей, которая, по словамъ Куника, «сдерживаетъ фантазію», «открываетъ и объясняетъ связь событій». Вслѣдъ за Кругомъ, который уже приступилъ къ критическому изученію византійской хронологіи IX—X вѣковъ, столь важной для пониманія древнѣйшаго періода нашей исторіи, Куникъ также обратился къ подобнаго рода изслѣдованіямъ, все еще очень мало затронутымъ въ трудахъ мало подготовленныхъ къ нимъ Хавскаго, Бередникова и другихъ русскихъ ученыхъ: помимо чисто хронологическихъ соображеній, напримѣръ, касательно начала стариннаго года, онъ приготовилъ хронологическій трактатъ объ «основномъ событіи русской исторіи» и принялся за выясненіе «начала русской хронологіи»; онъ также оцѣнилъ значеніе показаній Генриха Латыша для возстановленія испорченной хронологіи Новгородскихъ лѣтописей, рассуждалъ о годѣ смерти Святослава Игоревича, великаго князя Кіевскаго, напечаталъ ученое изслѣдованіе о времени битвы при Калкѣ, вызвавшее восторженные отзывы Строева, который съ своей стороны также занимался хронологіей русскихъ лѣтописей, и т. п. ²⁾).

Широко понимая задачи исторической науки, Куникъ полагалъ, однако, что она должна «изслѣдовать и изображать, какъ думали, чему вѣровали и что испытывали въ своей душѣ люди прежнихъ столѣтій», а не ограничи-

1) Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. XV, с. 43; кн. XIX, сс. 299, 305, 313. Э. Вольтеръ, Къ исторіи изданія русско-ливонскихъ актовъ и литовскихъ дорожниковъ, въ *Изв. Имп. Академіи Наукъ*, 1909 г., сс. 987—998. E. Wolter, E. E. Kuniks Verdienste um die Erforschung der baltischen Völker und ihrer Geschichte, въ *Mitteilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft, Heidelberg*, 1902—1903, Hefte 27—28, pp. 248—253.

2) А. Куникъ, О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ и другія статьи, въ *Ученыхъ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ*, т. I, С.-Пб. 1852, стр. 623—625; т. II, С.-Пб. 1853 г., сс. 297—330, 765—787, 799—824. т. III, С.-Пб. 1855, стр. 752—756. Письмо А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 5 мая 1874 г. Н. Барсуковъ, *Жизнь и труды П. М. Строева*, стр. 480—492. Н. Барсуковъ, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, кн. XIX, стр. 304. Ср. еще E. Kunik, *Zur vita Anskarii*, въ *Forschungen zur Deutschen Geschichte, Göttingen*, 1884, Bd. XXIV, pp. 191—197. Въ 1866 г. А. А. Куникъ уговаривалъ Ф. К. Бруна взяться за составленіе «einer pontisch-türkischen Chronographie»; см. письмо А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 16 марта 1866 г.; послѣдній, повидимому, отклонилъ это предложеніе, о чемъ см. письмо А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 20 мая 1866 г. Въ другомъ письмѣ къ тому же ученому отъ 21 мая 1876 г. А. А. Куникъ указываетъ на то значеніе, какое могло бы имѣть изслѣдованіе, сдѣланное нашими астрономами касательно того, когда Сатурнъ въ 10 вѣкѣ вступилъ въ . . . . .», пожеланіе, впоследствии принятое во вниманіе Ф. Вестберггомъ, котораго А. А. Куникъ побуждалъ приняться за изученіе записки готскаго топарха; см. F. Westberg, *Die Fragmente des Toparcha Gothicus*, въ *Зап. Имп. Академіи Наукъ*, 8-ая серия, С.-Пб. 1901 г., т. V, № 2, стр. 1, 5—6 и др. Ср. еще *Briefwechsel zwischen akademiker Kunik und W. v. Gutzeit*, p. 4.

ваться повѣствованіемъ о «дикихъ военныхъ тревогахъ и вообще внѣшнемъ шумѣ и блескѣ прошедшаго»¹⁾. И хотя самъ Куникъ былъ слишкомъ погруженъ въ изученіе области, къ которой ему трудно было прилагать такія требованія, онъ все же интересовался и другими проблемами, ближе стоявшими къ нимъ. Почти полъ вѣка занимая кафедру въ Академіи, Куникъ посвятилъ, напримѣръ, не мало труда и времени на разработку ея исторіи: онъ издалъ любопытную переписку Вольфа и бумаги, касающіяся Тредьяковскаго и Ломоносова, составилъ обзорніе ученыхъ сборниковъ и періодическихъ изданій Академіи съ 1726 по 1852 годъ и во многихъ другихъ замѣткахъ сообщалъ матеріалы или выводы, относящіеся къ ея прошлому²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ Куникъ принималъ участіе и въ дѣятельности Академіи: вообще полагая, что она должна стоять «ближе къ жизни русскаго народа», онъ, года черезъ три по своемъ избраніи, собирався даже «внести предложеніе о выборѣ въ академики чисто-русскихъ», а нѣсколько позднѣе принялъ на себя исполненіе «собственно русской задачи Академіи», которая, по его мнѣнію, должна сблизиться съ «русскою ученостью» и удовлетворять «мѣстнымъ ученымъ потребностямъ» путемъ изданія «ученаго журнала на русскомъ языкѣ». Куникъ временно отправлялъ также обязанности по завѣдыванію различныхъ академическихъ учрежденій, стремился установить большій порядокъ въ академическомъ управленіи, старался убѣдить, кого слѣдовало, «что Академія должна отпускать экстренныя суммы на ученія предпріятія», что она «существуетъ для того, чтобы давать работу другимъ» и т. п.³⁾.

Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ Куникъ много работалъ и на пользу другихъ ученыхъ предпріятій: помимо своихъ служебныхъ занятій въ Императорскомъ Эрмитажѣ, онъ обсуждалъ, напримѣръ, планъ изданія, задуманнаго Археологической Коммиссіей подъ названіемъ «Геродотовой Скиѳіи», принималъ живое участіе въ коммиссіяхъ, образованныхъ при Археологическомъ и Географическомъ Обществахъ для выясненія этнографическихъ отношеній между Литвою и Западною Русью, а также церковно-историче-

1) Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. XIII, стр. 276—277.

2) Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. VII, стр. 301. А. А. Куникъ уже въ 1844 г. интересовался бумагами Штелина, предполагая, что среди нихъ можетъ оказаться что-нибудь относящееся къ исторіи Академіи.

3) Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ, т. I, С.-Пб., стр. СXXXIII—СXXXIV. Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, кн. IX, стр. 162; кн. X, стр. 131—132; кн. XII, стр. 58. Въ 1863 г. А. А. Куникъ вмѣстѣ съ П. С. Биллярскимъ, между прочимъ выразилъ желаніе, чтобы М. П. Погодинъ принялъ на себя званіе предѣдательствующаго Отдѣленія русскаго языка и словесности; см. *ib.*, кн. XXI, стр. 150.

скихъ древностей особенно въ Западномъ краѣ; содѣйствовалъ составленію этнографической карты Россіи (1875 года), настаивалъ въ Археографической комиссіи на необходимости приступить къ изданію писцовыхъ книгъ, принималъ большое участіе въ изданіи извѣстнаго сборника документовъ Бунге и т. п.¹⁾

III.

Всегда готовый вызвать чужую работу или содѣйствовать ея осуществленію, Куникъ отличался терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ и вступалъ въ личныя и письменныя сношенія со многими представителями науки, въ которыхъ на ряду съ обширной ученостью обнаруживалъ иногда и проблески юмора: онъ поддерживалъ дружескія связи съ Погодинымъ и пользовался расположеніемъ Строева; бесѣдовалъ съ Гедеоновымъ объ общемъ предметѣ ихъ разысканій и, между прочимъ, уговаривалъ его продолжать печатаніе его трудовъ, а также побуждалъ Васильевскаго къ его «русско-византійскимъ изслѣдованіямъ»; оказывалъ вліяніе на нѣкоторыя работы нашихъ ориенталистовъ: Ильминскаго, Дорна и барона Розена, Патканова и Цагарели, принималъ большое участіе въ житейскихъ нуждахъ и научныхъ изслѣдованіяхъ Бонпелля, и т. п.²⁾ Куникъ также вступалъ въ общеніе съ прибалтійскими учеными, съ которыми его связывалъ общій интересъ къ исторіи древней Ливоніи и ея норманнскимъ поселеніямъ, напримѣръ, съ Напіерскимъ, Ширреномъ, Беркгольцемъ, Гильдебрандомъ, Гутцейтомъ, Биленштейномъ и другими, а также, частью по тѣмъ же соображеніямъ находился въ сношеніяхъ съ изслѣ-

---

1) Письма А. А. Куника къ Ф. К. Бруну, отъ 11 октября 1859 (о томъ, что Эрмитажъ отнимаетъ у него много времени); 12 ноябля 1863 г.; 15 мая 1864 г.; 5 іюня 1867; 9 апрѣля 1868 г. Въ письмѣ къ Ф. К. Бруну отъ 21 мая 1876 г. А. А. Куникъ сообщаетъ, что «отчасти подъ его руководствомъ составляется сборникъ законовъ касательно каранмовъ». Н. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, С.-Пб. 1878 г., стр. 568.

2) См. выше стр. 1460—1461. Раннія письма М. П. Погодина къ А. А. Кунику сохранились въ бумагахъ послѣдняго, вмѣстѣ съ другими въ вышеуказанномъ особомъ конвертѣ съ надписью: «Absolv. Briefe von 1845». Письмо А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 2 іюня 1875 г.; 21 ноября 1875 г. См. еще Briefwechsel zwischen akademiker Kunik und W. von Gutzeit, Riga, 1899, pp. 3, 65. Благодаря хлопотамъ А. А. Куника С. А. Гедеоновъ былъ избранъ въ почетные члены Академіи. Правила для изданія восточныхъ источниковъ отечественной исторіи, сост. А. А. Куникомъ и К. П. Паткановымъ, Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. VIII (1877), стр. 167, 270—271. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX, стр. 299; кн. XXI, стр. 343—344. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, сс. 462, 488—492, 564, 596. Ср. еще выше о Ф. Вестбергѣ стр. 1474, прим. 2.

дователемъ финляндской старины—Гиппингомъ, съ историкомъ черноморскихъ колоній—Бруномъ и т. д.¹⁾ Куникъ переписывался и со многими иностранными учеными, напимѣръ, съ «незабвеннымъ славянскимъ мученикомъ» Шафарикомъ и знатокомъ сѣверныхъ древностей Рафномъ, съ лингвистами и археологами—Поттомъ и Шлейхеромъ, Мюлленгофомъ и Томсеномъ, съ востоковѣдами—Гутшмидомъ и де-Гуйе; съ византинистами—Тафелемъ и Цахаріа, съ изслѣдователемъ литовскихъ древностей—Беценбергеромъ и другими. Въ перепискѣ съ ними Куникъ постоянно касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, преимущественно связанныхъ съ варяго-русскими древностями или исторіей нашихъ окраинъ, и предлагалъ свои соображенія, всегда основанныя на широкомъ знакомствѣ съ относящимися къ нимъ лингвистическими, этнографическими и собственно-историческими данными²⁾.

Въ такихъ ученыхъ сношеніяхъ Куникъ обнаруживалъ не менѣе обширную эрудицію, чѣмъ и въ своихъ печатныхъ трудахъ; она получила широкое признаніе со стороны многихъ учреждений и частныхъ лицъ. Куникъ состоялъ членомъ различныхъ ученыхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ; онъ былъ, напимѣръ, почетнымъ членомъ Загребской Академіи и Кіевскаго университета, членомъ-сотрудникомъ Королевскаго Общества сѣверныхъ антикваріевъ и т. п.; а 23 декабря 1876 г. онъ былъ избранъ Совѣтомъ университета св. Владиміра въ Кіевѣ докторомъ *honoris causa*.

Частные корреспонденты Куника также охотно признавали его готовность оказать содѣйствіе всякому научному работнику и жертвовать своимъ временемъ и силами для того, чтобы, въ случаѣ нужды и безъ навязчивости исправить или дополнить его работу, или улучшить ея форму; они свидѣтельствуютъ и о той щепетильности, съ какою онъ обсуждалъ всѣ подробности изданія: его форматъ и шрифтъ, его правописаніе и терминологию, его примѣчанія и указатели, его таблицы и карты; они повѣствуютъ и о тѣхъ постоянныхъ сношеніяхъ, въ которыхъ Куникъ находился съ академической типографіей, печатавшей редактируемые имъ труды,

---

1) E. Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen, 1. Abth., pp. 151—159, 168—182. Объ интересѣ и обширныхъ познаніяхъ А. А. Куника въ области древнесливонской исторіи см. A. Bielenstein, Vortrag zum Andenken an den Akademiker Dr. E. Kunik, въ Rigaer Tageblatt 1899, №№ 58 и 59; отд. отд., pp. 10 sq.

2) Письма А. А. Куника, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не собраны и лишь часть ихъ издана, о чемъ см. выше стр....; отвѣтныя письма большинства вышеназванныхъ лицъ хранятся въ бумагахъ А. А. Куника во II Отд. Библиотеки Имп. Академіи Наукъ.

иногда послѣ длиннаго ряда сложныхъ корректуръ¹⁾. Строгія требованія, которыя Куникъ предъявлялъ академическимъ изданіямъ, оказывались иногда не по силамъ самому редактору, тѣмъ болѣе, что вниманіе его часто отвлекалось многими другими работами, напримѣръ, редактированіемъ «Ученыхъ записокъ» Академіи, составленіемъ русской исторической библіографіи, изданіемъ особаго сборника документовъ («Русскаго Архива»), наблюденіемъ за печатаніемъ трудовъ постороннихъ ученыхъ, оцѣнкой сочиненій, представленныхъ на академическія преміи и т. п. Желаніе Куника возможно лучше обставить печатаемый трудъ, иногда вредно отражалось на ходѣ руководимаго имъ изданія и не разъ случалось, что оно пріостанавливалось и даже вовсе не выходило изъ типографіи. Такая медлительность, уже обнаружившаяся, напримѣръ, при печатаніи «бесѣдъ патріарха Фотія» или сочиненія А. І. Гиппинга о Невѣ и Нѣншанцѣ, особенно стала замѣтно проявляться съ восьмидесятыхъ годовъ, когда Куникъ, вообще не отличавшійся особенно крѣпкимъ здоровьемъ, уже приближался къ семидесятилѣтнему возрасту²⁾.

Строго замкнувшись въ напряженной научной работѣ, Куникъ оставался довольно чуждымъ русской общественной жизни: прежній его интересъ къ соціальной проблемѣ, впрочемъ, довольно слабый, можетъ быть, отразился и въ позднѣйшихъ его мечтахъ объ уравниеніи соціальныхъ отношеній и установленіи довольно скромнаго maximum'a дохода, а также въ томъ недовѣрїи, съ какимъ онъ относился къ «буржуазнымъ парламентамъ»; прежній культъ личности, вѣроятно, повліялъ и на его убѣжденіе, что новый порядокъ могъ бы быть водворенъ лишь черезъ посредство такого монарха, какимъ былъ Петръ Великій, а не «такъ называемыхъ представительныхъ учрежденій», которые не могутъ на нихъ рѣшиться. Взгляды подобнаго рода Куникъ высказывалъ, однако, лишь въ товарищеской бесѣдѣ, напримѣръ, съ однимъ изъ своихъ коллегъ-норманнистовъ и, за исключеніемъ развѣ польскаго вопроса, далеко стоялъ отъ того движенія шести-

---

1) Письма А. А. Куника къ Ф. К. Бруну: отъ дек. 1864 — янв. 1865 гг.; 12 ноября 1865 г.; 13 декабря 1870 г.; 5 мая 1874 г. А. Bielenstein, Vortrag, p. 6.

2) Н. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, с. 562. Въ 1858-омъ году, напримѣръ, Куникъ писалъ Строеву, что онъ заваленъ разнообразными дѣлами: «подъ моимъ надзоромъ печатается теперь пять сочиненій, не говоря о Демидовскихъ засѣданіяхъ»...; см. ib., с. 569. Въ письмѣ къ Ф. К. Бруну отъ 9 апрѣля 1868 г. А. А. Куникъ замѣчаетъ, между прочимъ, что «bei mir ist es seit langer Zeit Grundsatz, in Betreff der Citate am miss-träuischsten gegen mich selbst zu sein und deshalb schlage ich bei der Correctur meiner Arbeiten noch einmal alle diejenigen Citate nach die ich nur irgendwie verificiren kann», причѣмъ совѣтовалъ своему корреспонденту придерживаться того же правила. Ср. еще письмо А. А. Куника къ Ф. К. Бруну отъ 19 марта 1871 г.

десятихъ годовъ, которое захватило многихъ изъ его русскихъ современниковъ: онъ до конца жизни былъ доступенъ лишь очень ограниченному кругу специалистовъ, довольно пренебрежительно отзывался о «журналистахъ» и оставался очень равнодушенъ къ большой публикѣ, которую онъ готовъ былъ попрекнуть въ «шовинизмъ»¹⁾).

Въ своей области Куникъ оставался, однако, крупнымъ дѣятелемъ, заслуги котораго не всегда были поняты и признаны его современниками, и продолжалъ работать до глубокой старости: приближаясь къ своей восьмидесятилѣтней годовщинѣ, онъ еще сохранялъ бодрость духа, но все чаще жаловался на ослабленіе тѣлесныхъ силъ; онъ скончался 18 января 1899 года въ Петроградѣ, гдѣ и погребенъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

---

1) В. Васильевскій, Некрологъ А. А. Куника, въ Изв. Имп. Академіи Наукъ 1899 г., сс. XXIV — XXV. Н. Барсуковъ, Ор. cit., кн. XVII, с. 304; кн. XIX, сс. 129, 135; кн. XX, сс. 78, 199, 272, 280. Въ черновой болѣе ранняго письма отъ 1 мая 1848 г., писанной рукою А. А. Куника и касающейся польскаго вопроса, составитель полагаетъ, между прочимъ, что Польша должна оставаться подъ чужою опекой (Vormundschaft), что она, въ виду своего положенія между Россіей и Германіей, не въ состояніи образовать самостоятельное государство и т. п.; въ своихъ письмахъ къ М. П. Погодину по поводу польскаго вопроса А. А. Куникъ рекомендуетъ ему сдержанность, полагаетъ, что его рѣшеніе «заключается въ Западной Россіи», причемъ, однако, называетъ Поляковъ, «мечтавшихъ» о ней, «неизлѣчимыми несчастными» и полагаетъ, что нужно «нравственно» воздѣйствовать на западнорусскій элементъ; въ письмѣ къ Ф. К. Бруну отъ 21 мая 1876 г. онъ утверждаетъ, что правительство не можетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ Полякамъ до тѣхъ поръ, пока они отождествляютъ католицизмъ съ иезуитизмомъ. Въ своихъ письмахъ къ Ф. К. Бруну А. А. Куникъ затрагиваетъ также (напримѣръ, 21 мая 1876 г.) еврейскій вопросъ и касается обстоятельствъ, при которыхъ возникла русско-турецкая война 1877 — 78 гг. (въ письмѣ отъ 5 іюля 1876 г.).